

Discussions on the future of the Antarctic regime: benefits for Russia?

K. A. Chernov¹

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-2-212-225

Research article
Full text in Russian

The article examines possible directions for the transformation of the Antarctic legal regime under the continuing constraints of international law. It addresses the question of whether the idea of dividing Antarctica remains feasible, as well as which concepts of international law may serve as a basis for the redistribution of spaces in the polar region. Particular attention is paid to Article IV of the Antarctic Treaty and to the phenomenon of «treaty sovereignty», which allows states to preserve symbolic claims while refraining from their actual implementation. The study identifies and consistently analyses the sector principle and the principle of effective occupation as the main and most general groups of approaches to territorial delimitation. Their origins and applicability to the Antarctic case are examined with reference to the Arctic experience. A separate section is devoted to the analysis of regimes governing the use of Antarctic mineral resources, including the Convention on the Regulation of Antarctic Mineral Resource Activities (CRAMRA) and the 1991 Madrid Protocol, as well as the conditions under which these instruments could potentially be revised.

Based on the findings, the article assesses the possible implications of changes to the legal regime for Russia as one of the key participants in the Antarctic Treaty System. It substantiates the conclusion that the recognition of state sovereignty in Antarctica is unlikely in the near future, while alternative forms of presence and influence related to scientific activity, infrastructure, and access to resources are gaining importance. The article concludes that Russia's active participation in shaping future mechanisms of governance in the Antarctic space is necessary in order to preserve its position and protect its national interests.

Keywords: Antarctic Treaty System; territorial claims; Antarctic mineral resources; Madrid Protocol; Russia's national interests

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernov, Kirill A.	E-mail: kirill4ernov@gmail.com
	Graduate

For citation: Chernov K. A. Discussions on the future of the Antarctic regime: benefits for Russia? // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2026. Vol. 12, No. 2. P. 212-225. (in Russ.)

Дискуссии о будущем антарктического режима: выгоды для России?

К. А. Чернов¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-2-212-225
УДК 341.223:341.24:339.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются возможные направления трансформации антарктического правового режима в условиях сохраняющихся международно-правовых ограничений. Рассматривается вопрос о том, остаётся ли идея раздела Антарктики осуществимой, а также о том, какие концепции международного права могут быть использованы для обоснования перераспределения пространств в полярном регионе. Особое внимание уделяется статье IV Договора об Антарктике и феномену «договорного суверенитета», позволяющему государствам сохранять символические притязания при фактическом отказе от их реализации.

В работе выделяются и последовательно рассматриваются секторальный принцип и принцип эффективной оккупации как основные и наиболее общие группы подходов к территориальному разграничению, анализируется их происхождение и применимость к антарктическому кейсу с учётом опыта Арктики. Отдельное место занимает анализ режимов использования минеральных ресурсов Антарктики, включая Конвенцию по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (CRAMRA) и Мадридский протокол 1991 года, а также условия их возможного пересмотра.

По итогам проведённого анализа оцениваются потенциальные последствия изменений правового режима для России как одной из ключевых участниц Системы Договора об Антарктике. Обосновывается вывод о низкой вероятности признания государственного суверенитета в Антарктике в ближайшей перспективе при актуализации иных форм присутствия и влияния, связанных с научной деятельностью, инфраструктурой и доступом к ресурсам. Делается вывод о необходимости активного участия России в формировании будущих механизмов управления антарктическим пространством с целью сохранения её позиций и защиты национальных интересов.

Ключевые слова: Система Договора об Антарктике; территориальные претензии; договорный суверенитет; минеральные ресурсы Антарктики; Мадридский протокол; национальные интересы России

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернов, Кирилл Александрович

E-mail: kirill4ernov@gmail.com

Магистрант образовательной программы «Политическая глобалистика», кафедра международных политических процессов, факультет политологии

Для цитирования: Чернов К. А. Дискуссии о будущем антарктического режима: выгоды для России? // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 2. С. 212-225.

Введение

В контексте обсуждения мировой политики и актуальной политической повестки тема Антарктики и происходящих в ней процессов затрагивается довольно редко: это отдаленная территория с суровыми климатическими условиями, непригодная для постоянного проживания вне полярных станций. Однако эта тема непременно важна не только для политических акторов Южного полушария, находящихся в непосредственной близости от антарктического региона, но для всего мира, включая сверхдержавы: США, Китай и, конечно, Россию. Система Договора об Антарктике, представляющая собой правовую основу, которая регулирует всевозможные политические и экономические аспекты деятельности человека и государства в регионе, сформировала международно-правовой режим Антарктики. Низкий интерес мировых СМИ к этому режиму на протяжении десятилетий объясняется его сравнительной стабильностью и надежностью. Несмотря на противоречивый характер международного права в целом и во многих случаях его второстепенную роль относительно права национального, упомянутая его часть пользуется общим авторитетом и имеет приоритет над национальными интересами какого-либо государства, связано это прежде всего с тем, что на территорию Антарктики, точные координаты которой утверждены Договором об Антарктике 1959 года¹, официально не распространяется суверенитет какого-либо государства, а значит, все участники Договора де-факто и де-юре практически равны (не считая официально заявленных и юридически зафиксированных территориальных претензий, о которых будет сказано в дальнейшем) – в условиях такого паритета единственным возможным источником права может служить Система Договора об Антарктике.

Тем не менее, несмотря на продолжительный период стабильности в регионе, старые проблемы, замороженные с помощью правовых актов, начинают обостряться: так, в последние годы возрастает и интерес мирового сообщества к Антарктике. Хотя Система Договора об Антарктике блокирует установление суверенитета над антарктическими территориями, равно как и выдвижение новых территориальных претензий, а также запрещает некоторые виды деятельности, способные нарушить действующий паритет, такие как развертывание военных баз в Антарктике и использование вооруженных сил (за исключением логистических и других мирных целей) или разведка и добыча полезных ископаемых, в статье XII основного Договора зафиксировано положение о возможности внесения в него изменений и поправок в любое время, начиная с 1991 года, по принципу единогласия; а Мадридский протокол 1991 года², вступивший в силу в 1998 году, может быть пересмотрен уже в относительно скором времени – в 2048 году, причём, в отличие от основного Договора, решения по внесению в него изменений будут принимать только Консультативные Стороны Договора, что значительно повышает вероятность этих изменений.

Дополнительным фактором, усиливающим интерес к антарктическому региону, является постепенное изменение роли полярных пространств в мировой политике в целом. Если в период холодной войны Антарктика рассматривалась пре-

¹ Договор об Антарктике (Вашингтон, 01 декабря 1959 г.) // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf. (дата обращения: 16.11.2025).

² Протокол о защите окружающей среды к Договору об Антарктике (Мадрид, 1991 г.) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50869/. (дата обращения: 16.11.2025).

имущественно как зона научного соперничества и символического присутствия, то в XXI веке она всё чаще воспринимается как элемент глобального баланса ресурсов, инфраструктурных возможностей и политического влияния. Рост значимости полярных регионов, трансформация энергетических рынков, развитие полярных технологий и изменение экологической повестки объективно стимулируют переосмысление и антарктического режима, несмотря на его формальную устойчивость. В этом контексте Антарктика перестаёт быть исключительно «нейтральным пространством науки» и всё чаще рассматривается как потенциальный объект долгосрочного стратегического планирования.

В связи с этим возникает ряд ключевых вопросов, касающихся теоретических оснований возможного пересмотра антарктического режима, политико-правовых механизмов его реализации и места России в этом процессе. Какие концепции международного права могут служить основой для возможного разделения Антарктики и перераспределения её пространств? Остаётся ли идея о разделе Антарктики теоретически осуществимой, несмотря на большое число участников Договора и требование единогласия при его изменении? В чем будет заключаться выгода для России, как одной из ключевых участниц Договора, от возможного пересмотра соответствующих положений Договора?

Методы

В ходе исследования применялся комплекс общенаучных и специальных методов политико-правового анализа. Базовым методом выступил качественный анализ ключевых нормативно-правовых источников, таких как Договор об Антарктике 1959 года, Протокол об охране окружающей среды 1991 года (Мадридский протокол), а также связанных с ними международных соглашений и официальных документов в рамках Системы Договора об Антарктике. Данный метод позволил выявить юридическую логику функционирования антарктического режима, а также определить пределы и условия его возможной трансформации.

Для интерпретации правовых норм и доктринальных подходов использовался формально-юридический метод, направленный на анализ содержания правовых категорий, принципов и понятий, таких как территориальный суверенитет, основания территориальных претензий, секторальный принцип и принцип эффективной оккупации. В рамках данного метода осуществлялось выявление различий между юридическим и фактическим статусом территорий Антарктики, а также анализ феномена «договорного суверенитета».

С целью выявления сходств и различий в регулировании полярных пространств применялся сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить антарктический правовой режим с опытом разграничения территории в Арктике. Это дало возможность оценить применимость отдельных международно-правовых подходов к антарктическому кейсу с учётом различий в географических, политических и правовых условиях.

В работе также использовался метод анализа научного дискурса, включающий изучение трудов зарубежных и российских исследователей в области международного права и политологии. Анализ научных публикаций позволил систематизировать существующие подходы к проблеме территориальных претензий в Антаркти-

ке и выявить основные направления трансформации экспертных оценок в условиях изменения международной обстановки.

Для оценки возможных последствий изменений правового режима Антарктики для Российской Федерации применялся метод политико-стратегического анализа, ориентированный на соотнесение международно-правовых сценариев с национальными интересами государства, что позволило рассмотреть Антарктику как элемент более широкой системы глобальной политики и определить потенциальные выгоды и ограничения для России в рамках существующего и возможного будущего режима управления регионом.

Сущность территориальных претензий в Антарктике

Согласно статье IV Договора об Антарктике, «никакие действия или деятельность ... не образуют основы для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет в Антарктике и не создают никаких прав суверенитета...», и также «никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет ... не заявляются...». Рассмотрим существующие претензии и их характер. Среди стран-участниц принято выделять три группы [1, с. 2]:

Государства, имеющие официально заявленные территориальные претензии (claimants). К этой группе относится семь стран, выдвинувших претензии до вступления Договора в силу: Великобритания, Новая Зеландия, Франция, Норвегия, Австралия, Чили, Аргентина.

Государства, не имеющие официальных претензий (non-claimants). К этой группе относится подавляющее большинство стран-участниц, которые присоединились к Договору уже после 1961 года.

Государства, сохраняющие право выдвинуть претензию в будущем (semi-claimants). К этой группе относят Россию (ранее – СССР) и США, которые на данный момент не выдвинули территориальных претензий, но, согласно Договору, могут это сделать в любой момент.

Фактическое положение государств в рамках Системы Договора об Антарктике определяется не столько формальным наличием или отсутствием заявленной претензии, сколько объемом реального присутствия в регионе, включая научную инфраструктуру, логистические возможности и участие в принятии решений на уровне Консультативных совещаний. В этом смысле статус «non-claimant» не исключает активного вовлечения государства в антарктическую политику, равно как и наличие заявленной претензии не гарантирует реального влияния на процессы управления регионом.

Для полного понимания смысла положений статьи IV необходимо дать важное пояснение. В контексте этой статьи под правом на территориальный суверенитет следует понимать не собственно право на осуществление суверенитета в пределах определённой территории, но, скорее, право на официальное признание потенциального (но не действующего на данный момент) суверенитета государства на этой территории. Указывая на двойственный характер этого права, профессор К. Доддс [2, с. 205] употребил в его отношении термин «договорный суверенитет» (treaty sovereignty), подразумевающий символический (или, иными словами, «воображаемый») суверенитет, подкрепляемый исключительно символической по-

литикой. В подтверждение Доддс приводит примеры Аргентины и Чили, которые доставляли беременных женщин на свои антарктические станции для родов, чтобы утвердить некую связь между гражданином и землей. В действительности же, конечно, подобные действия не способны привести к каким-либо изменениям правового характера.

Сложившаяся ситуация имеет противоречивый характер. С одной стороны, Договор официально закрепляет права на заявленные ранее претензии на антарктические территории, но с другой – можно заметить, что некоторые из этих территорий пересекаются [3]. Так, «Аргентинская Антарктика» полностью находится в пределах «Британской Антарктики», и обе эти зоны пересекаются с территорией, на которую претендует Чили. И хотя на данный момент любые противоречия, возникающие на этой почве, в качестве конфликтогенного фактора находят своё отражение на уровне политического дискурса (в частности, взаимных обвинений [4; 5]), но не перерастают в какие-либо конкретные действия, в условиях нарастающей нестабильности Системы Договора об Антарктике необходимо чётко определить, можно ли поделить Антарктику, и если да, то как и по какому принципу.

Возможные подходы к разграничению территории в Антарктике

Рассмотрим далее основные из существующих международно-правовых подходов к разграничению территорий через призму антарктического кейса, а также обратимся к опыту Арктики. Эти подходы прямо вытекают из оснований для выдвижения территориальных претензий (данный термин также упоминается в статье IV Договора об Антарктике). В статье «The Moral Limits of Territorial Claims in Antarctica» [6, с. 344] профессор Алехандра Мансилла приводит восемь таких оснований, разделенных на две группы:

1. Основания, опирающиеся на значимую связь между государством и территорией (connection-based grounds). Сюда автор относит первые исследования и открытия, научную деятельность и экспедиции, эксплуатацию природных ресурсов и деятельность государства. Последнее подразумевает любые мероприятия, проводимые государством на определенной территории, и используется для обоснования распространения суверенитета на *terra nullius* («ничейную землю»).

2. Основания, опирающиеся на официальные документы и признанные доктрины. При этом не так важно, имеет ли государство прямую или символическую связь с антарктическими территориями. Сюда относятся принцип *uti possidetis juris*, законная передача территории, географическая непрерывность и смежность, секторальный принцип. Данные основания требуют более подробного разбора и разъяснения. *Uti possidetis juris* – это принцип международного права, согласно которому вновь образованные государства сохраняют такие же административные границы, что и в те времена, когда они были зависимыми территориями. Так, в 1494 году, когда Антарктида еще не была открыта, на основании буллы папы Александра VI между Испанией и Португалией был подписан Тордесильяский договор, который разделил мир на сферы влияния между двумя метрополиями. Нынешние Аргентина и Чили, находившиеся под властью Испании, ссылаются на королевские указы, утверждая, что их административные границы в колониальный период простирались вплоть до южного полюса, а значит, охватывали и антарктические территории.

В дополнение к этому Аргентина и Чили опираются на доктрины географической непрерывности и смежности, основанные на идее «периферийного владения». Впрочем, эта идея лежит в основе любых территориальных претензий и предполагает, что государство, ведущее деятельность на побережье незанятой территории, распространяет свою власть и на обширную периферию, которая в данном случае доходит до южного полюса. Передача территорий в качестве основания для выдвижения территориальных претензий рассматривается автором в контексте кейсов Австралии и Новой Зеландии, которым еще до подписания Договора об Антарктике Великобритания передала часть антарктических территорий, находившихся в сфере ее влияния. Наконец, секторальный принцип в качестве основания для претензий можно понимать как право стран, граничащих с полярным регионом, на антарктические территории.

Возвращаясь к поставленной задаче, выделим, опираясь на приведенные основания для территориальных претензий, два ключевых подхода, которые могли бы быть использованы для разграничения территории в Антарктике.

1. Секторальный принцип. Впервые он был предложен канадским сенатором Паскалем Пуарье в 1907 году в рамках обоснования претензий Канады на территории в Арктике. Сектора представляют собой треугольники, вершиной каждого из которых является полюс, боковыми гранями – меридианы, идущие от крайних точек побережий государств (в случае Арктики) [7, с. 46]. В настоящее время секторальный принцип явно доминирует в политическом дискурсе, в том числе и в контексте территориальных претензий в Антарктике.

Следует признать, что в действительности на высоком уровне речи о применимости других подходов не идет, поскольку именно секторальный принцип наиболее выгоден с позиции национальных интересов любого из заявителей. Во-первых, он удобен при определении границ секторов и практически не вызывает споров. Во-вторых, что важнее, заявитель, определив, по каким меридианам проходят границы его сектора, автоматически претендовал на обширную территорию, достигающую южного полюса. Стоит обратить внимание на принципиальное различие в применении секторального принципа в Арктике и в Антарктике: в первом случае сектора относятся лишь к тем государствам, чьи территории находятся в Арктике, то есть за Северным полярным кругом, во втором же случае, как уже было сказано ранее, имеет место множество возможных оснований для территориальных претензий, на которые опираются среди прочих государства Северного Полушария.

На это указывает и А. Мансилла [6, с. 353], критикуя возможность применения секторального принципа в Антарктике. Помимо этого, она отмечает, что, следуя логике секторального принципа, справедливо было бы предоставить основания для выдвижения территориальных претензий ряду государств Южного полушария, таким как Перу, Мадагаскар, Бразилия и др. Список стран, которые она приводит, – это лишь некоторые примеры, чем можно объяснить отсутствие в нем и более явных потенциальных кандидатов, таких как, например, ЮАР или Индонезия, однако включение в список Либерии и Индии сомнительно: эти страны полностью находятся к северу от экватора, а значит, являются слишком далекими от Антарктики, чтобы иметь возможность обосновывать свои права на территории на основании непосредственной их близости. Следуя этому подходу, было бы справедливо наделить такой возможностью все те страны мира, с территориями которых можно

провести прямые линии по меридианам на юг таким образом, чтобы эти линии не пересекали территории других стран. В таком случае, в этот список однозначно были бы включены США, Мексика, Пакистан и даже Дания (посредством Гренландии). Таким образом, основная сложность применения секторального принципа в Антарктике – это невозможность полного копирования кейса Арктики: нет ни одного государства, чья территория пересекала бы Южный полярный круг. Именно поэтому секторальный принцип может существовать лишь как способ разграничения территории, но не в качестве основания для территориальных претензий.

2. Принцип эффективной оккупации. А. Мансилла называет деятельность государства элементом эффективной оккупации [Там же. С. 347]. В действительности к элементам эффективной оккупации следует относить любые основания, опирающиеся на значимую связь между государством и территорией: первые исследования и открытия, научную деятельность, экспедиции и эксплуатацию природных ресурсов. В классическом понимании эффективная оккупация предполагает распространение суверенитета некоего государства на никем ранее не занятую территорию при условии, что государство ведет какую-либо деятельность на этой территории. Если бы принцип эффективной оккупации применялся исключительно в этом толковании, то на сегодняшний день на карте территорий, на которые претендуют государства, были бы выделены преимущественно прибрежные районы и небольшие области в окрестностях полярных станций. Однако в ходе освоения Антарктики этот принцип получил более широкое толкование, о чем ещё в 1928 году писал советский правовед В. Л. Лахтин [8, с. 18]. Он указывает на прецедент, созданный Великобританией, которая в 1908 году заявила о присоединении земель, соседствующих с Фолклендскими островами, а в 1923 и 1924 гг. – территорий в районах морей Уэдделла и Росса при фактическом отсутствии какой-либо деятельности на этих землях.

Подобные действия, по словам Лахтина, Британия обосновала «формулой района тяготения». А в 1924 году прецедентом воспользовалась Франция, объявив о присоединении некоторых районов к югу от Мадагаскара, который, в свою очередь, являлся французской колонией. Дальнейшая трансформация упомянутой «формулы района тяготения» привела к слиянию принципа эффективной оккупации и секторального принципа. Так, научная и экспедиционная деятельность в определенных районах, создание полярных станций, китобойный промысел и т. д. стали достаточными основаниями для выдвижения прав на обширные, но по большей части пустующие земли, простирающиеся до самого Южного полюса.

Итак, секторальный принцип и принцип эффективной оккупации – два совершенно различных по своей сути подхода к разграничению территории. Ни один из них, однако, не может быть применен в чистом виде, поэтому на практике наблюдается их симбиоз. Уместно в данном случае вспомнить одну из работ Бенедетто Конфорти – почётного профессора международного права. В 1986 году в статье «Territorial Claims in Antarctica: A Modern Way to Deal with an Old Problem» [9, с. 253–256] он рассмотрел традиционные основания (названные им «колониальными», то есть восходящими к международному праву колониальной эпохи), на которые опираются государства-претенденты. Критические замечания, высказанные им относительно состоятельности этих оснований, остаются актуальны и сегодня и по своему смыслу предвосхищают аргументацию Алехандры Мансиллы. Конфорти, в свою

очередь, предложил новые, современные принципы, на которые должна опираться вся система управления Антарктикой:

1. Деколонизация. Конфорти приравнивает к колониям (например, африканским или латиноамериканским) территории, на которые претендуют государства в Антарктике. По аналогии с освобождением своих колоний в Африке и Южной Америке государство должно отказаться и от любых притязаний в Антарктике.

2. Всемирное наследие. Не отрицая возможности проведения исследований или эксплуатации природных ресурсов, Конфорти, однако, призывает к тому, чтобы любые мероприятия проводились в интересах всего человечества. Подобные требования были закреплены еще Договором об Антарктике и подтверждались последующими правовыми актами.

3. Социальная функция. Допуская, что на антарктические территории все же мог бы распространиться суверенитет государств-претендентов, автор развивает упомянутую идею об Антарктике как всемирном наследии человечества и проводит параллели между суверенной территорией и частной собственностью. Так, государство обязано защищать право частной собственности, но при этом требовать от владельцев соблюдения социальных функций. К таковым относятся, например, контроль над арендной платой, требования безопасности жилья, сохранение лесов и исторических ландшафтов, контроль за использованием сельскохозяйственных земель по назначению и т. д. Подобным образом должен работать и международный контроль над суверенными территориями за Южным полярным кругом. Антарктика уже признана заповедником, поэтому можно ожидать, что в случае прекращения действия статьи IV Договора об Антарктике каждое из государств примет обязательство соблюдать требования по сохранению природы Антарктики.

При всем том научном вкладе, который внес профессор Конфорти в исследование проблематики международного права, спустя 40 лет его идеи так и не были реализованы в полной мере, в особенности его призыв к отказу от любых территориальных претензий. В международном сообществе все реже говорится о сохранении полного нейтралитета Антарктики, все чаще – о разделе ресурсов и территорий. В связи с этим обратимся далее к вопросу о том, остается ли сегодня практически осуществимой идея о разделе Антарктики при всех пока еще действующих правовых ограничениях.

О возможности реализации раздела Антарктики на практике

С точки зрения международного права ликвидация нейтралитета Антарктики и раздел территорий, разумеется, возможны, что следует из статьи XII Договора об Антарктике: изменения могут быть внесены в любые его положения, но только при условии полного консенсуса, достижение которого, однако, очень маловероятно. Ключевым стоп-фактором является слишком большое число Консультативных Сторон: на сегодняшний день их 29. Среди них есть страны, официально заявившие территориальные претензии, для которых пересмотр системы однозначно выгоден, а также страны, которые не успели заявить претензии, не имеют их или вовсе не располагают ресурсами для осуществления научной и иной деятельности в Антарктике, – для них выгодно сохранение статус-кво, а значит, прямое признание государственного суверенитета в Антарктике нереалистично. Однако, рассматривая вопрос более широко, мы обнаруживаем возможности для создания определенных

функциональных конструкций, способствующих расширению полномочий и сфер влияния государств в Антарктике.

В первую очередь речь идет, конечно, о потенциальном разделе прав на ресурсы без признания суверенитета. Среди участников Системы Договора об Антарктике однажды уже шли дискуссии о возможностях добычи минеральных ресурсов в регионе: в 1988 году, то есть еще до принятия Мадридского протокола, был подготовлен очередной документ, который должен был стать частью Системы, – Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (CRAMRA)³.

В 1970-1980-е годы резко вырос интерес к минеральным ресурсам, и огромный ресурсный потенциал Антарктики стал интересен странам, имевшим возможность добывать эти ресурсы. Принятие CRAMRA при этом ещё не означало автоматическое разрешение на добычу ресурсов – Конвенция устанавливала жесткий механизм на случай, если добыча все-таки будет когда-либо разрешена. Механизм предполагал научную оценку проекта, экологическую экспертизу и политическое одобрение всех органов с целью предотвращения любого ущерба, а не дальнейшей его компенсации. Право на добычу в данном случае должно было предоставляться государству не как владельцу ресурсов, а как участнику коллективного режима. Однако к концу 1980-х годов в мировом сообществе активизировались экологические движения, участились аварии и экологические катастрофы, в связи с чем возрастали опасения, что принятие Конвенции могло стать опасным прецедентом, который повлечет за собой дальнейшее смягчение стандартов на фоне давления заинтересованных бизнес-структур.

Вследствие этого по инициативе Франции и Австралии было решено полностью запретить добычу минеральных ресурсов [10, с. 231], что нашло отражение в принятом несколько лет спустя Мадридском протоколе. Отказ от ратификации CRAMRA был связан в первую очередь с общественным давлением, хотя сам по себе механизм контроля, предложенный в данной конвенции, был пригоден для должной защиты экологии в Антарктике. Не исключено, что уже в ближайшие десятилетия вопрос добычи полезных ископаемых в Антарктике может быть пересмотрен. Это связано, во-первых, с приближающейся датой возможного пересмотра Мадридского протокола – 2048 годом. Инициатива может быть выдвинута любой из Консультативных Сторон и одобрена большинством, включая 3/4 государств, являющихся Консультативными Сторонами, что уже делает такую перспективу более реалистичной, чем внесение каких-либо изменений в Договор об Антарктике.

Во-вторых, сегодня мир стоит перед лицом дефицита ряда ресурсов, в особенности нефти, полный отказ от которой до сих пор невозможен. При этом, согласно экспертным оценкам [11], мировые разведанные запасы нефти могут закончиться уже менее чем через 45 лет. Использование же потенциально богатых залежей в Антарктике позволило бы выиграть еще несколько десятилетий для более мягкого отказа от нефтепродуктов. Наконец, благодаря научно-техническому прогрессу в настоящее время добыча минеральных ресурсов в сложных природных условиях Антарктики становится более выгодной при наличии соответствующего оборудования. Так, Япония неофициально заявила о своих правах на антарктические территории, объясняя это тем, что никто, кроме них, пока не обладает достаточны-

³ Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики (Веллингтон, 1988 г.) // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50940/ (дата обращения: 10.12.2025).

ми ресурсами для добычи газа из глубинных месторождений [12]. Таким образом, вопрос о возможности раздела ресурсов Антарктики сегодня стоит гораздо более остро, чем в конце XX века, что может повлечь за собой реальные правовые изменения режима.

Также в определенной степени государство может осуществлять свою власть с помощью инфраструктуры. Под инфраструктурой в данном случае следует понимать полярные станции, аэродромы, экспедиционный флот, прочий транспорт и любые ресурсы, способствующие научной и иной деятельности в Антарктике. Инфраструктурное присутствие в Антарктике выполняет одновременно несколько функций. С одной стороны, оно обеспечивает практическую возможность проведения исследований и участия в международных программах. С другой стороны, оно выступает инструментом долгосрочного закрепления государства в регионе, формируя зависимость других участников от существующих логистических маршрутов и объектов. В условиях отсутствия суверенитета именно инфраструктура становится ключевым ресурсом влияния, позволяющим государствам расширять своё присутствие без формального пересмотра правового режима.

Итак, раздел Антарктики через признание суверенитета в ближайшей перспективе маловероятен, но весьма вероятен раздел условный, неформальный в виде секторов или областей влияния.

Место России в политическом будущем Антарктики и возможные выгоды

В статье «Антарктика: устаревшее наследство» [13] А. В. Фененко отмечает, что при сохраняющемся военно-морском превосходстве англо-саксонских стран в регионе Россия, однако, не имеет значительной выгоды от сохранения режима интернационализации Антарктики, что подкрепляется отсутствием заявленных территориальных претензий. Напротив, куда больший интерес для неё представляет Арктика. В связи с этим, считает автор, Антарктика может стать «разменной монетой»: дополнительная легитимация и укрепление российской роли в Арктике в обмен на признание ранее заявленных территориальных претензий в Антарктике. Фененко пишет, что подобные договорённости смогут поспособствовать позитивной динамике в диалоге со всеми теми странами, которые выдвинули эти претензии, включая те, которые принято относить к Коллективному Западу. Конечно, как уже было сказано ранее, пересмотр вопроса о суверенитете в Антарктике маловероятен, но, как считает автор, альтернативой может служить постановка вопроса о ревизии Мадридского протокола или введение квотной системы на использование антарктических биологических ресурсов.

Стоит отметить, что статья, в которой предложен этот сценарий, была написана в 2015 году, то есть ещё до начала Специальной военной операции на Украине и резкого ухудшения отношений России и стран Запада. В настоящее время отношения России и многих ключевых Консультативных сторон Договора об Антарктике фактически заморожены, и даже взаимовыгодный характер каких-либо соглашений не поспособствует их заключению. Это подтверждается довольно враждебной позицией этих стран относительно присутствия России в Антарктике. Так, один из наиболее известных исследователей антарктической проблематики новозеландский профессор Алан Хеммингс в 2022 году призывал Консультативные стороны блокировать участие России в КСДА в том же году, закрыть ей доступ ко всем транс-

портным хамам по пути следования к её полярным станциям и обратно, а также исключить Россию из Договора [14]. Однако полностью заблокировать участие представителей России в совещании не удалось, её исключение из Договора юридически почти неосуществимо, а запрет на использование портов, по словам В. В. Лукина [15, с. 72–74], не актуален для России.

Таким образом, возвращаясь к предложениям, выдвинутым А. В. Фененко, следует вновь подчеркнуть, что компромиссы, которые более десяти лет назад ещё представлялись реальными, сегодня недостижимы. Более того, принимая во внимание попытки изолировать Россию от всего мира, для неё выгодно не просто пассивное присутствие, но и наращивание влияния: дальнейшее расширение научной деятельности, развитие туризма, активная позиция в КСДА и разностороннее сотрудничество с ключевыми игроками. Как было верно отмечено, большинство стран, имеющих политические интересы в регионе, настроены враждебно по отношению к России, а значит, в интересах России не допустить правовых изменений системы, которые не будут соответствовать её национальным интересам.

Что касается возможного пересмотра Мадридского протокола в 2048 году, сегодня для России при любом сценарии невыгодно игнорировать антарктический вопрос в пользу собственных позиций в Арктике. С одной стороны, для России, обладающей все ещё большим запасом собственных ресурсов, было бы логично выступить за сохранение статус-кво. С другой стороны, есть вероятность, что среди прочих Консультативных сторон квалифицированным большинством будет поддержан пересмотр существующей правовой базы. Отсюда следует вопрос: каким образом могут быть распределены минеральные ресурсы среди государств, претендующих на их добычу?

Поскольку раздел ресурсов есть де-факто раздел территорий для их добычи, справедливо вновь обратиться к описанным ранее подходам для территориальных разграничений. Было выделено два наиболее общих подхода: секторальный принцип и принцип эффективной оккупации. Поддержка Россией первого подхода, с одной стороны, нашла бы позитивное отражение в её имидже в международном сообществе, поскольку служила бы демонстрацией внешнеполитической последовательности страны в отношении полярных регионов, а именно раздела обоих на сектора влияния, пусть и с рядом оговорок – об этом также пишет А. В. Фененко [13]. Но, что важнее, с другой стороны, Россия, официально не выдвинувшая претензий, если и смогла бы получить доступ к месторождениям посредством партнёрских соглашений, то их количество значительно уступало бы таковым, доступным странам Коллективного Запада. Куда большие политические дивиденды Россия получила бы при разделе ресурсов по принципу эффективной оккупации. Будучи первооткрывателем континента, одним из лидеров по количеству полярных станций, экспедиций и других показателей, к 2048 году она однозначно занимала бы довольно сильную позицию. В таком случае России уже сейчас следует активно наращивать своё присутствие в регионе и готовиться к борьбе за ресурсы.

Заключение

Таким образом, вопрос будущего Антарктики не сводится к дихотомии между сохранением статус-кво и полным территориальным разделом. Существует широкий спектр промежуточных сценариев, связанных с перераспределением функций,

ресурсов и форм участия государств в управлении регионом. Именно в этой «серой зоне» формируются реальные возможности для изменения баланса сил без формального отказа от базовых принципов Системы Договора об Антарктике.

Современные споры о будущем Антарктики неизменно исходят, скорее, из интересов отдельных государств, а не реальной перспективы территориального перераспределения. Ещё при подписании Договора об Антарктике в 1959 году были заложены механизмы, которые позволили избежать прямых территориальных конфликтов, сохранив пространство для научного сотрудничества и мирной кооперации. Сегодня эти механизмы продолжают работать, даже несмотря на то, что внешние политические и экономические условия стали существенно сложнее. Активизация дискуссий о пересмотре отдельных положений правовой системы, прежде всего в части минеральных ресурсов, – показатель гибкости интересов отдельных государств, их чувствительности к изменениям баланса между экологической повесткой и экономическими возможностями. Однако эти обсуждения по своему характеру направлены на поиск мягкого консенсуса, а не на стремление к радикальной деконструкции устоявшейся системы, так как любые изменения потребуют широкого согласия, что автоматически ограничивает односторонние инициативы в пользу узконаправленных интересов.

Для России сегодня как никогда важно оставаться активным игроком и принимать непосредственное участие в подобных обсуждениях. Не ради расширения сфер влияния, но с целью защитить свои позиции, избежать изоляции, сформулировать собственные предложения и участвовать в выработке коллективных решений. Несмотря на географическую отдалённость, Россия должна наращивать своё присутствие в Антарктике и готовиться к переменам, которые могут произойти уже в обозримом будущем.

Ссылки

1. Yermakova Y. *Governing Antarctica: Assessing the Legitimacy and Justice of the Antarctic Treaty System*: doctoral dissertation in philosophy. Oslo: University of Oslo, 2021. 148 p.
2. Dodds K., Hemmings A. D., Roberts P. (eds.). *Handbook on the Politics of Antarctica*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. 640 p. DOI 10.4337/9781784717681.00010
3. Как Антарктида стала общей // Русское географическое общество. 29.01.2020. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/kak-antarktida-stala-obshchey/> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Англия и Аргентина провоцируют войну за Антарктику // REN TV. 11.10.2024. URL: <https://ren.tv/blog/iurii-gorodnenko/1269739-angliia-i-argentina-provotsiruiut-voinu-za-antarktiku> (дата обращения: 18.11.2025).
5. Аргентина объявила часть Антарктиды своей территорией // Общественная служба новостей. 24.09.2020. URL: <https://www.osnmedia.ru/world/argentina-obyavila-chast-antarktidy-svoej-territoriej/> (дата обращения: 18.11.2025).
6. Mancilla A. The Moral Limits of Territorial Claims in Antarctica // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32, No. 3. P. 339-360. DOI 10.1017/S0892679418000527
7. Гицу В. Д., Гицу М. А. Международно-правовой режим Арктики (концептуальное противостояние) // *Государство и право*. 2018. № 6. С. 45-58. URL: <https://gipras.ru/s1026-94520000488-4-1-ru/?sl=ru> (дата обращения: 15.12.2025). DOI 10.7868/S0132076918060069

8. Лахтин В. Л. Права на северные полярные пространства: анализ политического, экономического и правового положения северных полярных пространств в связи с развитием воздушного передвижения и трансарктическими перелётами / Под ред. А. В. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1928. 48 с.
9. Conforti B. Territorial Claims in Antarctica: A Modern Way to Deal with an Old Problem // Cornell International Law Journal. 1986. V. 19, No. 2. P. 249-258.
10. Bastmeijer K. Introduction: The Madrid Protocol 1998-2018. The need to address "the success syndrome" // The Polar Journal. 2018. V. 8, No. 2. P. 230-240.
11. Может ли нефть закончиться: сколько её осталось и что будет дальше // Альфа-Банк. 28.12.2024. URL: <https://alfabank.ru/help/articles/investments/kogda-zakonchitsya-neft/> (дата обращения: 23.12.2025).
12. Японцам мало Курил, они хотят вытеснить Россию из Антарктиды // Rambler. 25.07.2021. URL: <https://news.rambler.ru/science/46886870-yapontsam-malo-kuril-oni-hotyat-vytesnit-rossiyu-iz-antarktidy/> (дата обращения: 14.01.2026).
13. Фененко А. В. Антарктика: устаревшее наследство // Российский совет по международным делам. 03.08.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antarktika-ustarevshee-nasledstvo/> (дата обращения: 04.01.2026).
14. Hemmings A. D. Does the Antarctic Treaty System have a moral duty to respond to Russia's invasion of Ukraine // Polar Connection. 18.03.2022. URL: <https://polarconnection.org/antarctic-treaty-system-russia-ukraine/> (дата обращения: 05.01.2026).
15. Лукин В. Обострение конфронтации западного мира и России в контексте устойчивости Системы Договора об Антарктике // Международная жизнь. 2022. № 7. С. 64-83. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2693> (дата обращения: 30.12.2025). EDN OCNAEQ